

ЖЮЛЬ ВЕРН

*ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Глава 1

В воскресенье 24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, быстрыми шагами подходил к своему домику, номер 19 по Королевской улице — одной из самых старинных улиц древнего квартала Гамбурга.

Наша служанка Марта, наверно, подумала, что она запоздала с обедом, так как суп на плите лишь начинал закипать.

«Ну, — сказал я про себя, — если дядя голоден, то он, как человек нетерпеливый, устроит настоящий скандал».

— Вот и господин Лиденброк! — смущенно воскликнула Марта, приоткрыв дверь столовой.

— Да, Марта, но обед и не должен быть готов, ведь еще нет двух часов. В церкви святого Михаила часы пробили только половину второго.

— Так почему же господин Лиденброк вернулся?

— Он, вероятно, объяснит нам причину.

— Вот и он! Я бегу, господин Аксель, а вы его успокойте.

И Марта поспешила в свою кухонную лабораторию.

Я остался один. Успокаивать рассерженного профессора при моем несколько слабом характере было мне не по силам. Поэтому я собирался благо-разумно удалиться наверх, в свою комнатку, как вдруг закричала входная дверь; ступени деревянной лестницы затрещали под длинными ногами хозяина дома, и, миновав столовую, он быстро прошел в свой рабочий кабинет.

На ходу он бросил в угол трость с набалдашником в виде щелкунчика, на стол — широкополую с взъерошенным ворсом шляпу и громко крикнул:

— Аксель, иди сюда!

Я не успел сделать и шага, как профессор в явном нетерпении снова позвал меня:

— Ну, где же ты!

Я бросился со всех ног в кабинет моего грозного дядюшки. Отто Лиденброк — человек не злой, я готов засвидетельствовать это, но если его характер не изменится, что мало вероятно, то он так и умрет большим чудаком.

Отто Лиденброк был профессором в Иоганнеуме и читал лекции по минералогии, причем регулярно раз или два в течение часа выходил из терпения. Отнюдь не потому, что его беспокоило, аккуратно ли посещают студенты его лекции, внимательно ли слушают их и делают ли успехи: этими мелочами он мало интересовался. Лекции его, согласно выражению немецкой философии, носили «субъективный» характер: он читал для себя, а не для других. Это был эгоистичный ученый, настоящий кладезь премудрости, брюзжав-

ший при малейшей попытке почерпнуть хоть крупицу из сокровищницы его познаний, одним словом — скупец!

В Германии немало профессоров такого рода.

Дядюшка, к сожалению, не отличался живостью речи, по крайней мере когда говорил публично, — а это прискорбный недостаток для оратора. И в самом деле, на своих лекциях в Иоганнеуме профессор часто внезапно останавливался; он боролся с упрямым словом, которое не хотело соскользнуть с его губ, с одним из тех слов, которые сопротивляются, разбухают и, наконец, срываются с уст в форме какого-нибудь — отнюдь не научного — бранного словечка! Отсюда и его крайняя раздражительность.

В минералогии существует много полугреческих, полулатинских названий, трудно произносимых, шероховатых терминов, которые ранят уста поэта. Я вовсе не хочу хулить эту науку. Но, право, самому гибкому языку позволительно заплетаться, когда ему приходится произносить такие, например, названия, как ромбоэдрическая кристаллизация, ретинасфальтовая смола, гелениты, фангазиты, молибдаты свинца, тунгстаты марганца, титанаты циркония.

В городе знали эти извинительные слабости моего дядюшки и злоупотребляли ими: подстерегали малейшую заминку в его речи, выводили его из себя и смеялись над ним, что даже в Германии отнюдь не считается признаком хорошего тона. И если на лекциях Лиденброка всегда было много слушателей,

то это только потому, что большинство их пришло лишь позабавиться благородным гневом профессора.

Как бы то ни было, но мой дядюшка — я особенно подчеркиваю это — был истинным ученым. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать образцы минералов, все же дарование геолога в нем сочеталось с зоркостью минералога. Вооруженный молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твердости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации шестисот видов известных науке наших дней.

Поэтому имя Лиденброка пользовалось заслуженной известностью во всевозможных ученых обществах. Хемфри Дэви, Гумбольдт, Франклин и Сабин, будучи проездом в Гамбурге, не упускали случая сделать ему визит. Беккерель, Эбельмен, Брюстер, Дюма, Мильн-Эдвардс, Сент-Клер-Девиль охотно советовались с ним по животрепещущим вопросам химии. Эта наука обязана ему значительными открытиями, и в 1853 году появилась в Лейпциге книга профессора Отто Лиденброка под заглавием: *Высшая кристаллография* — объемистый труд *in folio** с рисунками, не окупивший, однако, расходов по его изданию.

* Формат издания в $1/2$ бумажного листа.

Кроме того, мой дядюшка был хранителем минералогического музея русского посланника Струве, ценной коллекции, пользовавшейся европейской известностью.

Таков был человек, звавший меня столь нетерпеливо. Теперь представьте себе его наружность: мужчина лет пятидесяти, высокого роста, худошавый, но обладавший железным здоровьем, по-юношески белокурый, глядевший лет на десять моложе своего возраста. Его большие глаза так и бегали за стеклами внушительных очков; его длинный и тонкий нос походил на отточенный клинок; злые языки утверждали, что он намагничен и притягивает железные опилки... Сущая клевета! Он втягивал только табак, и, правду сказать, в большом количестве.

А если прибавить, что дядюшкин шаг, говоря языком математики, равнялся полтуазу* и что на ходу он крепко сжимал кулаки — явный признак вспыльчивого нрава, — то этих сведений будет достаточно, чтобы пропала всякая охота искать его общества.

Он жил на Королевской улице в собственном домике, построенном наполовину из дерева, наполовину из кирпича, с зубчатым фронтоном; дом стоял у излучины одного из каналов, которые пересекают наиболее старинную часть Гамбурга, счастливо пощаженную пожаром 1842 года.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим. Крыша на нем сидела криво, как шапочка на голове студента, со-

* Туаз равен 1,949 м.

стоящего членом Тугендбунда; положение его стен было не вполне вертикальным, но, в общем, дом держался стойко благодаря древнему вязу, подпиравшему его фасад и весной касавшемуся своими цветущими ветвями его окон.

Для немецкого профессора дядюшка был сравнительно богат. Дом, со всем, что в нем было и что в нем жило, находился в его полной собственности. К жильцам следует отнести крестницу дядюшки Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде*, служанку Марту и меня. В качестве племянника и сироты я стал главным помощником профессора в его научных опытах.

Признаюсь, что я находил удовольствие в занятиях геологическими науками; в моих жилах текла кровь минералога, и я никогда не скучал в обществе моих любимых камней.

Впрочем, можно было счастливо жить в этом домике на Королевской улице, несмотря на вспыльчивый нрав его владельца, потому что последний, хотя и обходился со мною довольно круто, все же любил меня. Но этот человек не умел ждать и तोпил даже природу.

В апреле месяце дядюшка обычно сажал в фаянсовые горшки, стоявшие в гостиной, резеду и вьюнки, а затем каждое утро дергал их за листочки, чтобы ускорить рост этих растений.

Имея дело с таким оригиналом, ничего другого не оставалось, как повиноваться. Поэтому я поспешил в его кабинет.

* Местность близ Гамбурга.

Глава 2

Кабинет дядюшки был настоящим музеем. Здесь находились все образцы минерального царства, снабженные этикетками и разложенные в полном порядке по трем крупным разделам: горючих, металлических и камнеподобных.

Как хорошо были знакомы мне эти научные побрякушки! Как часто, вместо того чтобы бездельничать с товарищами, я забавлялся, сметая пыль со всех этих графитов, антрацитов, лигнитов, с образцов каменного угля и торфа! А битум, асфальт, органические соли — как тщательно их нужно было охранять от малейшей пылинки! А металлы, начиная с железа и кончая золотом, относительная ценность которых исчезала перед абсолютным равенством научных образцов! А все эти камни, которых хватило бы для того, чтобы перестроить наш дом на Королевской улице и даже предусмотреть в нем прекрасную комнату, которая так хорошо подошла бы мне!

Однако, войдя в кабинет, я думал не об этих чудесах. Мои мысли были всецело поглощены дядюшкой. Он сидел в своем вместительном, обитом утрехтским бархатом кресле и держал в руках книгу, которую рассматривал с глубочайшим восхищением.

— Какая книга! Какая книга! — восклицал он.

Этот возглас напомнил мне, что профессор Лиденброк время от времени становился библиоманом; но книга имела в его глазах ценность лишь в том случае, если она была уникальна или по крайней мере неудобочитаема.

— Взгляни, — сказал он, — разве ты не видишь? Это бесценное сокровище я нашел сегодня утром в лавке еврея Гевелиуса.

— Великолепно! — ответил я с притворным восхищением.

И действительно, к чему столько шума из-за старой книжонки в кожаном переплете, из-за старинной пожелтевшей книжки с выцветшими буквами?

Между тем профессор продолжал восхищаться своим приобретением.

— Посмотри! Разве это не прекрасно? — спрашивал он и тут же отвечал: — Да, восхитительно! А какой переплет! Легко ли книга раскрывается? Ну, конечно! Ее можно держать раскрытой на любой странице! Хорошо ли она выглядит в закрытом виде? Отлично! Обложка и листы хорошо сброшюрованы, все на месте, все пригнано одно к другому! А корешок? Семь веков существует книга, и ни единой трещины! Вот это переплет! Он мог бы составить гордость Бозериана, Клосса и Пюргольда!

Рассуждая так, дядюшка то открывал, то закрывал старинную книгу.

Я не нашел ничего лучшего, как спросить, что же это за книга, хотя она мало меня заинтересовала.

— А каково же заглавие этой замечательной книги? — спросил я лицемерно.

— Это сочинение, — отвечал дядюшка, воодушевляясь, — носит название «Хеймс-Крингла», автор его Снорре Турлесон, знаменитый исландский писатель двенадцатого века! Это история норвежских конунгов, правивших в Исландии!

— Неужели? — воскликнул я, насколько возможно радостнее. — Вероятно, в немецком переводе?

— Подумаешь! — возразил горячо профессор. — В переводе!.. Что мне делать с переводом? Кому он нужен, перевод? Это оригинальный труд на исландском языке великолепном, богатом идиомами и в то же время простом, в котором, не нарушая грамматической структуры, уживаются самые причудливые словообразования.

— Как и в немецком языке, — прибавил я, подлаживаясь к нему.

— Да, — ответил дядюшка, пожимая плечами, — но с той разницей, что в исландском языке существуют три грамматических рода, как в греческом, и собственные имена склоняются, как в латинском.

— Ах, — воскликнул я, превозмогая свое равнодушие, — какой прекрасный шрифт!

— Шрифт? О каком шрифте ты говоришь, несчастный Аксель? Дело вовсе не в шрифте! Ах, ты, верно, думаешь, что книга напечатана? Нет, глупец, это манускрипт, рунический манускрипт!..

— Рунический?

— Да! Ты, может быть, попросишь объяснить тебе это слово?

— В этом я не нуждаюсь, — ответил я с видом оскорбленного достоинства.

Но дядюшка продолжал еще усерднее поучать меня, помимо моей воли, вещам, о которых я и знать ничего не хотел.

— Руны, — продолжал он, — это письменные знаки, которые некогда употреблялись в Исландии и, по преданию, были изобретены самим Одним*!

* Один — в скандинавской мифологии высший из богов.

Но взгляни же, полюбуйся, нечестивец, на эти письмена, созданные фантазией самого бога!

Право, не зная, что сказать, я готов был пасть на колени, ибо такой ответ угоден и богам и королям, и он никогда не ставит их в затруднительное положение. Но тут одно неожиданное обстоятельство дало нашему разговору иной оборот.

Внезапно из книги выпал полуистлевший пергамент.

Дядюшка накинудся на эту безделицу с жадностью вполне понятной. В его глазах ветхий документ, лежавший, быть может, с незапамятных времен в древней книге, должен был, несомненно, иметь огромную ценность.

— Что это такое? — воскликнул дядюшка.

И он бережно развернул на столе клочок пергамента пяти дюймов длины, трех ширины, на котором были начертаны поперечными строчками какие-то знаки, достойные чернокнижия.

Вот точный снимок рукописи. Я должен привести здесь эти загадочные письмена, ибо они побудили профессора Лиденброка и его племянника предпринять самое удивительное путешествие XIX века:

Ж АААММ	ХУАТНТТ	УТТТІВТ
УУТТТТТ	ПТТТТТТ	КІТТТТТ
ГТТТТТТ	ТТТТТТТ	УПТТТТТ
ТТТТТТТ	КПТТТТТ	ААІТТТТ
ТТТТТТТ	. АУТТТТТ	ІТТТТТТ
ТТТТТТТ	ТТТТТТТ	ТТТТТТТ
ТТТТТТТ	ТТТТТТТ	ТТТТТТТ

Профессор в продолжение нескольких минут рассматривал рукопись; затем, подняв повыше очки, сказал:

— Это рунические письмена; знаки эти идентичны знакам манускрипта Снорре. Но... что они означают?

Мне всегда казалось, что рунические письмена лишь выдумка ученых для одурачивания простого люда, а потому меня отнюдь не огорчило, что дядя ничего не мог в них понять. По крайней мере я заключил это по нервным движениям его пальцев.

— Однако это древнеисландский язык, — бормотал он себе под нос.

Профессор Лиденброк должен был, конечно, знать, какой это язык, ведь недаром он слыл замечательным языковедом. Было бы преувеличением утверждать, что он знал две тысячи языков и четыре тысячи диалектов, которые известны на земном шаре, и все же он говорил на доброй части из них.

Встретив непредвиденное затруднение, он собрался было впасть в гнев, и я уже предвидел бурную сцену, но в это время на каминных часах пробило два.

Тотчас же приотворилась дверь, и Марта доложила:

— Кушать подано!

— К черту обед, — закричал дядюшка, — и того, кто его варит, и того, кто будет его есть!

Марта убежала. Я поспешил за нею и оказался, сам не зная как, за столом на своем обычном месте.

Я подождал немного. Профессор не появлялся. Впервые, насколько мне известно, он пропустил эту трапезу. А обед-то был какой! Бульон, посыпанный петрушкой, омлет с ветчиной и мускатными орехами, жареная телятина под сливовым соусом, на десерт — засахаренные фрукты, и ко всему этому превосходное мозельское вино.

И все это дядюшка прозевал из-за какой-то старой бумажонки. Право, как преданный племянник, я почел себя обязанным пообедать за нас обоих, что и выполнил на совесть.

— Невиданное дело! — сказала Марта. — Господин Лиденброка нет за столом!

— Невероятный случай!

— Это плохой признак, — продолжала старая служанка, качая головой.

По-моему, отсутствие дядюшки за столом не предвещало ровно ничего, кроме ужасной сцены, когда обнаружится, что его обед съеден.

Я с жадностью доедал последний кусочек, как вдруг громкий голос оторвал меня от стола.

Одним прыжком я очутился в дядином кабинете.

Глава 3

— Ясно, что это рунические письмена, — сказал профессор, морща лоб. — Но я открою тайну, которая в них скрыта, иначе...

Решительным ударом кулака он довершил свою мысль.

— Садись у стола, — продолжал он, — и пиши.

В мгновение ока я был готов.

— А теперь я буду называть тебе буквы нашего алфавита, соответствующие одному из этих исландских знаков. Посмотрим, что из этого выйдет. Но ради всего святого, не наделай ошибок!

Он начал диктовать. Я прилагал все свои старания, чтобы не ошибиться. Он называл одну букву за другой, и, таким образом, последовательно составлялась таблица непостижимых слов:

<i>m. rnlls</i>	<i>esreuel</i>	<i>seecJde</i>
<i>sgtssmf</i>	<i>unteief</i>	<i>niedrke</i>
<i>kt, samn</i>	<i>atrateS</i>	<i>Saodrrn</i>
<i>emtnael</i>	<i>nuaect</i>	<i>rrilSa</i>
<i>Atvaar</i>	<i>nscrc</i>	<i>ieaabs</i>
<i>ccdrmi</i>	<i>eeutul</i>	<i>frantu</i>
<i>dt, iac</i>	<i>oseibo</i>	<i>Kediil</i>

Когда работа была окончена, дядюшка поспешно выхватил у меня листок, на котором я написал буквы, и долго внимательно изучал их.

— Что это значит? — повторял он машинально.

Откровенно говоря, я не мог бы ответить на его вопрос. Впрочем, он и не спрашивал меня, а продолжал говорить сам с собой.

— Это то, что мы называем шифром, — рассуждал он вслух. — Смысл написанного умышленно скрыт за буквами, расставленными в беспорядке; однако, если бы их расположить в надлежащей по-